

А
В. Г. Белинский

Аристократка, быть... рассказанная Л. Брантом

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 5. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1842 -- ноябрь 1843.

Редактор тома М. Я. Поляков. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья С. И. Машинского.

Примечания Г. Г. Елизаветиной.

М., "Художественная литература", 1979.

[OCR Бычков М. Н.](#)

АРИСТОКРАТКА, быть недавних времен, рассказанная Л. Брантом. 1843. Санкт-Петербург. В тип. Бородина и К®. В 8-ю д. л. 155 стр.

Все жалуются на непрерывное размножение плохих "сочинений" в русской литературе, и эти жалобы всегда наводят на размышление о причинах такого горестного размножения. Некоторые из этих причин кроются очень глубоко, и говорить о них в короткой журнальной рецензии невозможно; другие, ближайшие, очевидны. Их-то мы и хотели бы показать читателям. Побуждений, которые заставляют у нас сочинительствовать людей без призвания, без образованности, без всего, что нужно для занятия литературой,-- таких побуждений два: "деньги" и собственно так называемое, внушаемое самолюбием, желание печататься, слыть "сочинителем". По первому побуждению действуют люди с более или менее замечательным практическим рассудком и направлением чисто промышленным. Человек, перебивавший, может быть, на всех поприщах деятельности, долго и внимательно присматривавшийся ко всем доступным ему родам занятий, с одною ни на миг не покидавшею его мыслью, где бы вернее и легче зашибить копейку, почему-либо разочтет, что быть сочинителем выгоднее, чем переписывать отношения, торговать пряными кореньями, обучать юношество грамматике и "русской словесности" или рисовать вывески для мелочных лавок,-- и вот он сочинитель. Бесстрашно бросается он на тот род литературных произведений, который преимущественно читается (а иногда и на все роды вдруг), и небу жарко от трескотни его крепкого пера, и полки книжных лавок ломаются под тяжестью быстро производимых им огромных томов книжного товара. Если, несмотря на остервенение, с которым он напал на литературу, первые попытки окажутся неудачными, то есть не доставят ему существенной выгоды -- денег, он смиренно идет на иное поприще, уступая место другому. Но если удача, которой так нетрудно, при некоторых условиях, достигнуть в нашей литературе, увенчает труды его, он навек остается сочинителем, и никакие преследования критики не выживут его из литературы. Брань журналов, если она не наносит существенного вреда сбыту его сочинений, он переносит в молчании, с стоическим хладнокровием. Она даже не сердит его внутренно: он человек добрый и нередко сознающийся в своей слабости. Под веселый час он, пожалуй, и сам вместе с вами будет смеяться над своими сочинениями и над публикой, которая их покупает. Печатные отречения от своих мнений, вторичные обращения к ним и потом новые отречения -- для него нипочем. Только при сильных наступательных действиях критики, которая в том кругу, где она употребляется, известна под именем "битья по карманам", сердце его судорожно сжимается, и голос издает звуки, подобные тем, какие в старину можно было слышать в глухую полночь на большой муромской дороге... Такого рода сочинителей очень много; они, как известно, разделяются на разные классы: много таких, которые тысячами считают свои доходы и давно уже в печати усвоили себе название "заслуженных литераторов" и титул "почтеннейших"; но еще больше таких, которые таятся бог знает в каком литературном захолустье и приводятся в движение не совсем-то щедрым великодушием книгопродавцев толкучего рынка. К тому же разряду принадлежат господа, посвящающие свои книги "благодетелям", "сиятельствам", "превосходительствам", в знак душевного уважения, отменной пресмыкаемости, глубочайшей преданности и других похвальных чувств. Совершенно противное явление представляет принадлежащий ко второму разряду сочинитель -- сочинитель по страсти к сочинительству. Это существо в высшей степени странное, мелкое по природе, великое для самого себя, жалкое для других, самолюбивое, раздражительное, лишенное малейшей способности сознавать свои недостатки, грубо и неисправимо ослепленное самим собою. Однажды навсегда во глубине души своей решив утвердительно вопрос о своей гениальности, маленький-великий человечек спит и видит себя сочинителем. И, боже мой! чего бы он не дал, на что бы не решился, только бы видеть поскорее осуществление безумных грез своих! Каждая строка, каждая буква, которую он написал, кажется ему чем-то важным; как ребенок с игрушкою, как помешанный с пунктом своего помешательства, носится он с